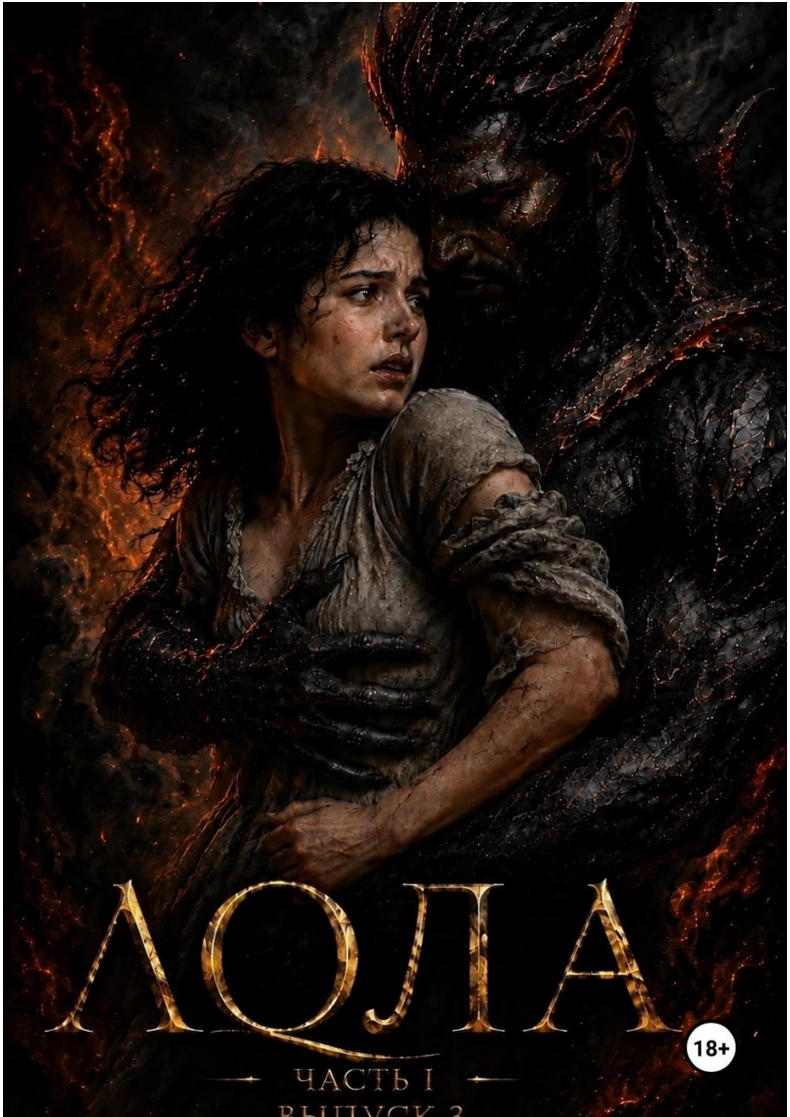
ЛОЛА
18+
ЧАСТЬ I
ВЫПУСК 3

Лола Хамраева

Лола. Часть 1. Выпуск 3

https://litres.ru/74363074
SelfPub; 2026

Аннотация

Белоснежная фата, шепот клятв и иллюзия долгожданной сказки.. Но почему свеча гаснет прямо у алтаря, а вместо нежности остается лишь ледяное равнодушие?

Каждая деталь этого дня отбивает чеканный ритм суровых знаков, пока из тени праздничного зала за Лолой неустанно следит тяжелый, хищный взгляд.

Что ждет ее за порогом новой жизни-счастье или роковая ловушка?

Третья часть откровенной истории Лолы-о дне, когда разбиваются первые иллюзии и громко бьют звоны неминуемой беды.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Лола. Часть 1. Выпуск 3

Глава

Данная публикация является продолжением серии Лола. Часть 1. Выпуск 2. С полным авторским вступлением вы можете ознакомиться в Выпуске 1.

Авторское примечание

Эта книга является художественным произведением, вдохновленным личным опытом и эмоциональным восприятием автора.

В целях сохранения конфиденциальности и защиты прав на частную жизнь абсолютно все имена ключевых персонажей, события, места и обстоятельства были изменены или художественно переработаны.

Герои книги являются художественными образами, созданными для раскрытия сюжета и авторского замысла.

Данная история не является документальным описанием жизни конкретных людей, не содержит утверждений о фактах из жизни реальных лиц и не имеет целью причинить вред чьей-либо репутации или достоинству.

Все события представлены через призму восприятия главной героини, её чувств, воспоминаний и личного пути. Лю-

бые совпадения с реальными людьми являются случайными.

Глава 38

До того времени, как мама обратилась к Богу, её туалетный столик был алтарём красоты, уставленным флаконами духов, похожими на магические сосуды с эликсирами, и палитрой помад — от вишнёвого до алого, словно россыпь драгоценных камней. В воздухе всегда витал её шлейф — смесь ванили и дамасской розы, аромат, который для меня был самим воплощением счастья и женственности.

Я, маленькая, крадучись, подходила к этому алтарю. С трепетом брала в руки тяжёлые тюбики. Мазок алого на детских губах, и я — не просто девочка, я — Принцесса Грёз, я — взрослая, сильная и ослепительная. Эти мгновения были чистым, осязаемым волшебством.

Но однажды небо над моим миром рухнуло. Мир, который я знала, прекратил своё существование с сухим, безжалостным звуком. Мама, с лицом, лишенным всякого выражения, начала собирать свои сокровища. Я наблюдала, онемев, как она сгребла их в мусорное помойное ведро, словно обычный хлам.

Стеклянные флаконы бились, пластик хрустел, и этот звук отдавался во мне физической болью. Каждый мешок, падающий в бездну мусорного ведра, был осколком моего сердца. На месте той сияющей витрины образовалась чёрная дыра,

сосущая пустота, которую нечем было заполнить.

Я не могла понять, за что она так ненавидит эту красоту, которую я боготворила? Почему она так легко предала магию, которая делала её мамой, моей сияющей мамой?

Место на полках, где раньше танцевали блики света на хрустале, заняли черные корешки книг. «Жития святых», «Псалтирь», «Евангелие». Ароматы духов уступили место тяжёлому, удушливому запаху восковых свечей и старой бумаги.

Сияние маминого лица сменилось аскетичной тенью. В доме поселилась давящая тишина, которую прерывали лишь монотонные, заунывные звуки молитв. И скандалы. Голоса родителей, раньше такие гармоничные, теперь сплетались в яростный, дисгармоничный клубок.

Отец кричал, мама шептала с поджатыми губами. Я стояла между ними, потерянная, не в силах понять, как слово Божие, о котором они говорили, может принести столько ненависти? Почему два человека, которые должны любить друг друга, не могут разделить этот новый, пугающий мир?

Но самая глубокая, самая горькая обида жгла меня изнутри. Зачем было уничтожать ту красоту? Ведь она могла бы отдать её мне. Я бы хранила её, как реликвию, как память о той, прежней маме. Вместо этого на меня обрушился ледяной ливень запретов. «Грех!» — это слово звенело в воздухе, как проклятие.

Краситься — грех. Есть мясо — грех. Смеяться громко

— грех. Даже брюки, которые так удобно носить, стали греховным одеянием. Мир сузился до размеров кельи. Все мои желания, все мои порывы души были объявлены грехом.

Я смотрела на других девочек — они сияли, они смеялись, они были свободны. И я не могла понять, почему этот Бог, о котором мама так настойчиво молилась, запрещает мне просто быть счастливой? Почему всё, что делает жизнь яркой, для неё — лишь пепел греха?

Эти путы из молитв и постов, которые мама на меня налагала, стали удушающей петлей для моего слабого детского духа. Внутри меня, под этой серой, аскетичной одеждой, бушевал огонь.

Я хотела быть нарядной! Я хотела, чтобы меня видели! Я хотела ловить на себе восхищенные взгляды, а не прятать лицо под платком. Жизнь, которую мама мне предлагала — жизнь в тени монастырских стен, жизнь, посвящённая бесконечному покаянию — казалась мне не благом, а тюрьмой.

Для меня это было серым, угнетающим, мертвенным миром, лишенным всякого света и красок. И в этом мире, в этой давящей тишине, я, её дочь, медленно увядала, как сорванный цветок.

Личный архив автора

Глава 39

С самого детства я послушно играла роль «правильной»

девочки. Читала заученные молитвы, пела в церковном хоре и смиренно прятала волосы под платочками, а ноги — под тяжелыми, средними или падающими до самого пола юбками. Когда папа вел меня за руку сквозь соцгород на очередные занятия, я честно старалась соответствовать этому кроткому, благочестивому образу.

Но под этой правильной оболочкой билось совсем другое сердце. В глубине души сворачивался клубочком и тлел маленький, смышленый бесенок. Он нетерпеливо восставал против сухой праведности. И, честно говоря, я обожала его искру. В ушах то и дело раздавался его шепот: «А что, если нахулиганить? А если сбежать прямо сейчас? А если подсмотреть за тем, что скрыто?» Вены жгло жаждой дерзости, чистейшего адреналина и настоящих приключений — вопреки любым правилам.

Во мне уживались две непримиримые стороны. Первая — ангельская, заботливо навязанная взрослыми и обществом, ощущалась как тесный, чужой корсет. Вторая — темная, бунтарская, дышала свободой и притягивала меня с невероятной силой.

Я не отмахивалась от нее; напротив, с жадным детским любопытством распахнула перед ней двери. Каждая ее дерзкая идея, каждый порыв к бунту заставляли мое сердце биться чаще, даря непередаваемый вкус свободной жизни.

Живой мир вокруг дразнил меня своими контрастами. В нашем дворе, к примеру, обитала удивительная пара: гигант-

ский, толстый, грузный муж и его хрупкая, крошечная жена. Их нелепая непропорциональность завораживала меня. У них росли две дочери — одна пошла в массивную породу отца, другая унаследовала тонкую кость матери.

Мой пытливый ум не давал мне покоя: с наивным детским изумлением я гадала, как они вообще делят одну постель? Разве этот толстяк не может просто раздавить её? Эти дерзкие мысли одна за другой проносились в моей голове, подсвечивая яркие контрасты взрослой жизни.

Я наблюдала за окружающим миром, где строгая святость монастырей переплеталась с приземленной обыденностью, где перед глазами были самые разные семейные пары и девушки, рано открывшие в себе взрослую чувственность.

И эта вторая сторона бытия — наполненная своими искушениями, тайной и земной предсказуемостью — казалась мне куда более привлекательной, чем монастырская тишина. Я искала собственный путь, жаждая дышать полной грудью, чувствовать, переживать и жить на полную мощность, а не просто слепо следовать навязанным правилам.

Глава 40

Моя словесная ткань соткана просто — без хитроумных узоров, двойного дна и громоздких конструкций. Я пишу так, чтобы каждое слово доходило прямо до сердца, не требуя расшифровок, особенно для тех, кто, как и я, вырос сре-

ди простой, суровой реальности.

Я осознаю, что мой слог может встретить разный отклик: кто-то наткнется на эти страницы с непониманием или сухим осуждением, а кто-то, напротив, уловит в них нечто щемяще родное. Возможно, они тоже носят в себе эту застарелую боль — горький опыт отверженности и холодного общественного презрения. Пусть так. Время само всё расставит по своим местам.

Разматывая нить собственной истории, я пытаюсь разглядеть и сообразить, кто же я на самом деле. Это откровение срывает с души последние зажимы: слова перестают быть вымученными строчками и превращаются в бурную, полноводную реку, несущую меня на волне чистого вдохновения.

Я остро чувствую, что этот творческий прорыв — не вечный дар, он может утихнуть так же неожиданно, как и начался. И пока этот внутренний родник бьет во мне во всю силу, я жадно ловлю каждый миг, чтобы просто писать и писать, не останавливаясь.

Прозаичный быт и бесконечная круговерть мелких дел то и дело пытаются выбить перо из рук, ломая хрупкую концентрацию. Иногда мне до боли хочется, чтобы весь мир замер за закрытой дверью, даровав мне право без остатка раствориться в процессе.

Но реальность редко бывает так милосердна. Поэтому я краду мгновения у дня: сажусь за строки глухими вечерами или ловлю короткие, драгоценные вспышки свободного вре-

мени, как только они выпадают.

Параллельно я погружаюсь в книгу Набокова и других больших мастеров слова, искренне замирая перед их чарующим гением. Их слог восхищает своей грандиозностью, а русский язык в их руках звучит живописно, сочно и безгранично могущественно.

Я надеюсь, что, часами вчитываясь в эти словесные кружева и исследуя разные книги, я смогу постепенно усложнить и обогатить собственный стиль.

Но в то же время я глубоко преданна своей чистой и прямой манере письма. В ней есть особая, честная магия, и я испытываю истинный восторг, когда через простые слова удаётся передать дыхание природы и сочную, звенящую красоту самого языка.

Глава 41

Однажды в глубоком детстве я летела по улице прямо сквозь теплый, ослепительный дождь. В вышине, перекликаясь с сочной водяной пылью, всеми красками заиграла дуга радуги.

Я с радостным восторгом мчалась с горки вниз — прямо к нашему серому, угрюмому дому. Но даже его привычная мрачность не могла погасить свет внутри меня: мне было до невероятности уютно и хорошо. Дождь щедро обливал меня с головы до ног, я наотмашь бегала по сверкающим лужам,

промокнув насквозь, и это ощущение свободы казалось настоящей, чистой благодатью.

В то мгновение я всей своей детской душой знала: в этой вселенной есть Кто-то, Кто невидимо бережет меня и трепетно любит каждую секунду.

Я ликовала, впитывая это волшебное, живительное тепло природы. Дождь нежно омывал меня, словно обнимал мягкими, заботливыми руками, а солнце, играя яркими золотыми лучами, мило улыбалось с высоты.

Оно смотрело с небес на маленькую, наивную, беззаветно добрую девочку, которая счастливо смеялась среди брызг и даже не догадывалась, какие тяжелые испытания и повороты судьбы ждут ее впереди.

И вот только чуть позже я написала это стихотворение, которое назвала:

«Три чуда»

Я помню, маленькой ещё была
Я вышла погулять.
И солнце, дождь и радуга тогда
Всем стали ликовать.

Чтоб были рады мы всегда
Не надо унывать!
Три чуда в смешанной погоде

Мне даровал увидеть Бог,

А мимо проходили люди
В плену забот своих, тревог…
Но я людей не замечая,
Бежала по асфальту босиком,

Во всей красе природы расцветая!
Дождь омывал меня теплом-
Да, он тёплым был!
И радуга сияла,

Такую Боженька природу подарил,
Лучами солнышко играло,
Три чуда в сказку превратил,
С улыбкой день я этот вспоминала!

Глава 42

Теперь, дорогой мой читатель, позволь мне перенести тебя в пьянящую пору моего подросткового юношества — золотые годы с четырнадцати до шестнадцати лет. Именно тогда зародилась наша неразлучная девичья компания со звонким именем «СЛЮМО».

В неё входили Света — моя двоюродная сестра, я — Лола, еще одна сестра Юля, а также наши близкие подруги, сёст-

ры Марина и Оля, с которыми нас однажды случайно свела судьба в местном деревенском клубе. Это была пора чистой, искрящейся юности, о которой я и по сей день вспоминаю с нежной, щемящей ностальгией.

Наш самый первый клуб и дискотека ютились в крошечном, скромном здании, забавно поделенным пополам: одна половина правила бал как привычный продуктовый магазин, а вторая по вечерам превращалась в эпицентр деревенских страстей.

Мы, городские девчонки, мгновенно приковали к себе горячие взгляды местных парней, вызывая у них искреннее восхищение. Нам же эта внезапная популярность казалась удивительной, но невероятно льстила.

С появлением нашей компании жизнь закипела. Мы не только зажигали на ночных танцах, но и допьяна дышали свободой самой деревни. Собирались у кого-нибудь в гостях, жгли трескучие костры на опушке леса, подставляя лица теплому дыму, и до хрипоты пели под гитару прямо под бездонным звездным небом, перешептываясь о самых сокровенных страхах. Это было поистине романтичное, беззаботное время, сотканное из ярких событий и маленьких открытий.

Именно тогда вспыхнула моя первая подростковая любовь. За мной начал ухаживать один парень, и мы даже стали встречаться. Он был очень привлекателен, но внутри меня постоянно жило смутное ощущение, что что-то не так.

Разгадка пришла неожиданно на одной из дискотек: ко

мне одновременно подошли он и другой — старший, окутанный тайной и взрослой уверенностью. Не раздумывая ни секунды, я приняла приглашение на танец от нового кавалера.

Прежний ухажер кипел от тихой ярости, но устраивать сцен не стал — между парнями произошла мужская «разборка», в результате которой он уступил и навсегда исчез из моей жизни.

Так начался вихрь моих первых настоящих отношений — пьянящий, новый и волнующий. Я до сих пор помню тот первый поцелуй в серебряном свете луны: тёплый, нежный, исполненный трепета.

Каждое моё возвращение в деревню превращалось в бесконечные ночные прогулки. Мы часами шептались на скамейке у бабушкиного дома под лунным светом. Бабушка знала его семью и была за меня спокойна, но всё же иногда звала домой — наши тихие разговоры мешали ей уйти в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.